

Роберт Ридель

Фотографии с историей

Я благодарю равнодушных людей за отзывы, на которые ссылаюсь в рассказе.

1. Не Мамлакат

Первомайский утренник в детском саду.
Энгельс, май 1938 года.

Старая потрёпанная фотография, на обороте надпись «Энгельс, 1938 г.» Первомайский утренник в детском саду, дети в национальных костюмах. Я крайний справа в костюме кавказца, на мне черкесска с газырями, на поясе кинжал. Кинжал и газыри, конечно, деревянные, обёрнутые фольгой, а свой кавказский ремень дал мне поносить папа.

На стене за детьми большая картина, на ней Сталин и Мамлакат, говорили воспитательницы. Только спустя много лет я узнал, что девочка на картине не Мамлакат, а Геля.

Картина повторяла известную фотографию, сделанную в Кремле в 1936 году. На ней Сталин и пятилетняя бурятская девочка Геля (Энгельсина) Маркизова, дочь наркома земледелия Бурят-Монголии (теперешней Бурятии) Ардана Маркизова. Фотографию с надписью «Сталин и Геля» напечатали в газетах, с неё сделали множество картин,

плакатов, открыток, значков и даже скульптуру. Некоторые копии были с лозунгом: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

В 1937 году отца Гели арестовали, обвинили во вредительстве и через год расстреляли. Теперь получалось, что Сталин на фотографии с дочерью врага народа. Такое нельзя было допустить, но и уничтожить многочисленные копии было невозможно. И дали команду - сменить имя девочки Геля на Мамлакат. Таджикская девочка Мамлакат Нахангова действительно была, за рекордный сбор хлопка её наградили орденом Ленина. Но ей тогда было двенадцать лет, но на разницу в возрасте не стали обращать внимание - на постаменте скульптуры «Сталин и Геля» выбили новую надпись «Сталин и Мамлакат».

А детишкам на утреннике, конечно, было весело. Они не знали, какое у них будет детство. Не у всех, я думаю, оно будет счастливым – продолжались известные события 1937 года, через несколько лет начнётся война, а детей-немцев, вроде меня, вместе с семьёй сошлют в Сибирь и Среднюю Азию.

2. Детский приёмник

Фотография страницы из старого семейного альбома. Видна с трудом читаемая надпись «Работники детприёмника НКВД».

Весной 1945 года я, тогда мальчишка двенадцати лет, находился в Серовском детском приёмнике. Официально он назывался «Детский приёмник при отделении железнодорожной милиции станции «Надеждинск» (так раньше назывался уральский город Серов). В огороженный колючей проволокой детприёмник, я, к удивлению собравших там беспризорников, пришёл сам: «Направьте меня в детский дом, я хочу учиться».

Шла война, у всех были трудности, а в детприёмнике их мне добавила моя немецкая фамилия. На меня взелась одна из воспитательниц, крупная женщина с очень сильным косоглазием. Она постоянно «цеплялась» ко мне, называла немчёнком, фрицем, и не без её участия меня наметили отправить на обувную фабрику (хотя на производство отправляли с четырнадцати лет). Но я сказал, что пришёл сюда сам, и, если не отправят в детский дом, я сбегу. И от меня отстали.

В 2011 году я рассказал про эту историю на одном из интернет-форумов. При обсуждении мне прислали фотографию страницы из семейного альбома и следующий текст:

«На фото работники серовского детприёмника НКВД, 1945 год. Фото из альбома моей тётки (умерла в прошлом году). Она крайняя слева - подпись А. Г. З. (Агния Григорьевна Золотарёва). Она из семьи спецпереселенцев, из станции Морозовской. Выслана из Донской области в 1930 году в Свердловскую область. Там пару лет их гоняли с места на место. Потом оставили в Серове. Вернее, бабушка с детьми была в Серове, а дед, в основном, на лесосеках. Там жили до 1955 года, потом переехали в Бугуруслан Оренбургской области. Реабилитированы в 1993 году».

Приславший добавил, что начальник детприёмника (на фото в центре наверху) и есть, по его мнению, та косоглазая, о которой я рассказывал.

Я не знаю, кто прислал мне эту фотографию, на форуме он был под странным псевдонимом - Kraskopult. Только и узнал, что он из Москвы. А его тётка, Агния Григорьевна Золотарёва, была, как я полагаю, из семьи репрессированных казаков. К такому выводу я пришёл, исходя из времени (1930 год) и места высылки семьи (станция Морозовская).

Смотрю на страницу из старого альбома, пытаюсь узнать мою гонительницу. Да, это она, тогда воспитательница, а на снимке начальник, уже потом дослужилась. Я не держу на неё зла, и не только потому, что прошло много лет и я не знаю её судьбу. Из простых людей она единственная, кто преследовал меня из-за национальности. Преследовала, и многие годы власть, система, а люди – нет, по крайней мере, больше мне с такими не приходилось сталкиваться.

3. Прощание с детским домом

Недавно сгоревшее здание деревянной архитектуры,
бывшее служебное здание Кленовского детского дома.

Снимок 2009 года.

Во время войны из-под Киева в село Кленовское (на Среднем Урале) эвакуировали исправительный детский дом. Перед окончанием войны его сделали обычным, и дали название «Кленовской детский дом». А подлежавших исправлению криминальных малолеток, хулиганскую шпану и бывших беспризорников вывозили потом целый год, постепенно заменяя их обычными детьми. Одной из партий таких «обычных детей» были мы, я и ещё один мальчишка, нас в мае 1945 года привезли из Серовского детского приёмника. Так что первый год в Кленовском детском доме я провёл вместе с этой, «подлежавшей исправлению» кампанией.

Наш детский дом занимал большую часть здания местной школы. Из моих воспоминаний:

«Двухэтажное, с широкими окнами здание школы, в котором размещался детдом, стояло на самом берегу реки Пут, недалеко от места её впадения в реку Бисерть. Напротив здания на реке Пут стояла плотина с мельницей и небольшой электростанцией.

Метровые стены первого этажа здания были сложены из естественного камня – раньше здесь был кожевенный завод (под полом мы находили каналы, ведущие в сторону реки). Второй этаж был надстроен позднее и представлял собой неоштукатуренный деревянный сруб тёмнозолотистого цвета.

В дальнем углу двора стояло красивое двухэтажное здание, за которым виднелись большие деревья старого сада. Здание называли «господский дом» - когда-то в нём жил управляющий заводом.»

- - -

В 2008 году опубликовали мою повесть «Ограничения», в которой я рассказал о своём непростом детстве и несколько глав посвятил Кленовскому детскому дому. Были отклики, пришли они и из села Кленовское Екатеринбургской области.

Житель села мне написал:

«Извините, что не выслал Вам фото. Нечего высылать. То здание, где Вы учились полуразрушено, как во время войны. Река Пут подмывает фундамент, так что скоро этого здания не будет. Рядом построена в 60-х годах школа из красного кирпича, но это уже не Ваши воспоминания. Книгу Вашу скачал. Наши учителя литературы её прочитали. Как хорошо, что Вы её написали. Память объединяет людей».

От другого жителя села пришло следующее сообщение:

«От Вас, от первого я узнал, что в Кленовском был детский дом. В Вашем рассказе, в частности, про школу, много знакомого. Только детский дом, а в наше время интернат, был одноэтажным при нас. Хозпостройки «господского дома» разбирали ребята, старше нас на два года, во время летней практики».

Он прислал мне несколько снимков, на одном бывшее здание детского дома с забитыми окнами и без второго бревенчатого этажа, на другом недавно сгоревший «господский дом», как все его называли.

Сегодня от этих развалин, наверняка, ничего не осталось. Но в памяти я храню не их, я помню величественное, как мне тогда казалось, здание детского дома с большими окнами и тёмнозолотистыми брёвнами второго этажа, я помню красивый деревянной архитектуры «господский дом» с высокими деревьями старого сада.

4. Мария Ивановна

Роберт Ридель, воспитанник Кленовского детского дома, и Мария Ивановна Катаева.
Урал, 1947 год.

В Кленовском детском доме не хватало многого, не было у нас и спортивного зала с хотя бы минимальным спортивным инвентарём. Летом мы играли во дворе в чижика, в городки, в лапту, а зимой была пара разномастных коньков (откуда-то притащили ребята), да несколько старых истёртых лыж с самодельными палками. За ними всегда была очередь, каждому хотелось покататься во дворе или скатиться с соседней горки.

Несмотря на всё это, для какого-то, возможно, отчёта, пришёл приказ – провести лыжный кросс. Откуда-то срочно привезли лыжи, выложили «американские подарки», чтобы мы соответственно оделись. Я выбрал яркий свитерок, в нём, мне казалось, я был похож на лыжника из красочного плаката.

Кросс проходил по пересечённой местности, многие стали отставать, особенно те, кто на лыжи стал впервые. Приходилось останавливаться и ждать, когда подтянется колонна. На таких остановках меня, разгорячённого, в лёгком свитерке, конечно же, продуло – на другой день я свалился с сильнейшей температурой.

Из моих воспоминаний:

«Молоденькая фельдшерица Алла Борисовна определила, что у меня воспаление лёгких, и стала усиленно лечить разными лекарствами. Болел я тяжело, температура всё поднималась, я находился в каком-то болезненном полусне. Изолятора у нас не было, и я лежал в нашей спальне, а долгие вечера возле меня просиживала наша бухгалтер Мария Ивановна Катаева, молодая женщина лет тридцати. Она давно уже хорошо ко мне относилась, даже предлагала меня усыновить, но я не соглашался – где-то ведь были мои родители (в моих документах стояло: «Родители есть, но их адрес неизвестен»)» .

Температура не спадала, дело серьёзное, и меня, закутав в тяжёлые овчинные тулупы, повезли за сорок километров в Бисерть, в районную больницу. Везли на лошадях, долго, и, когда я очнулся у больницы, я был весь мокрый и почувствовал себя совсем здоровым – под жаркими тулупами прошёл кризис. Пролежав в больнице несколько дней, я вернулся домой, в мой детский дом.

Мария Ивановна продолжала интересоваться моей жизнью – спрашивала, как дела, как с учёбой. Никого другого она так и не усыновила.

- - -

С тех детдомовских лет сохранились фотографии, не все хорошего качества – ведь прошло столько лет. Несколько из них я поместил в интернете (пусть молодёжь узнает, как мы в те годы жили). На фотографию, на которой я и Мария Ивановна, обратила внимание жительница села Кленовское. Она мне писала, что, возможно, знает Марию Ивановну, только надо ещё уточнить.

Через полгода она прислала такое сообщение:

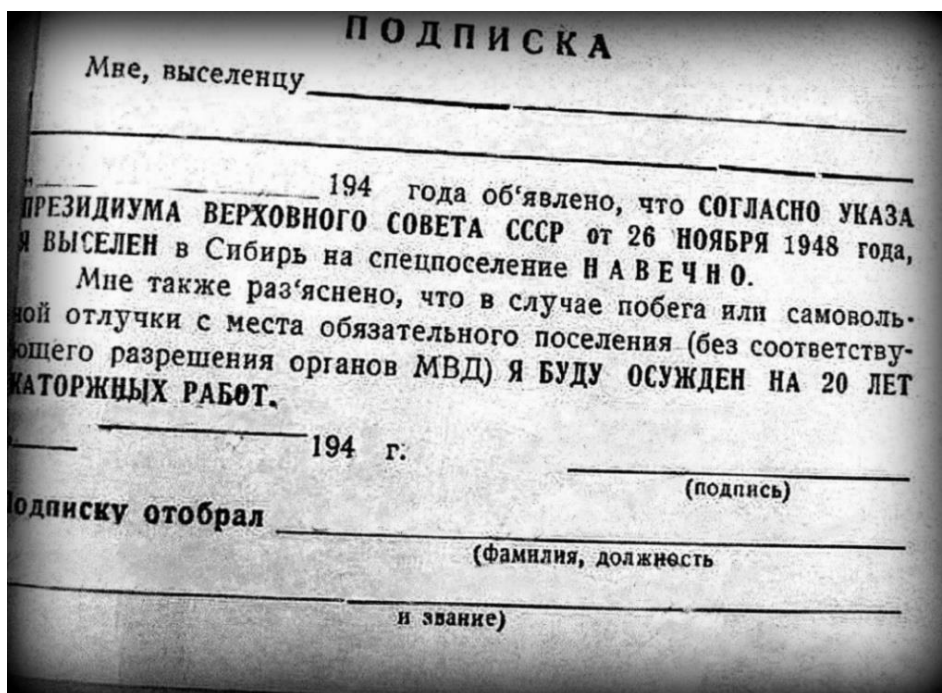
«Здравствуйте, уважаемый Роберт Иванович! Извините, что долго не отвечала. Да, на фотографии Мария Ивановна Катаева (фамилия в девичестве). Она работала в детском доме бухгалтером. По мужу она была Бирюкова. Детей у них не было. Когда расформировали детский дом, они оба с мужем работали в Рабкопе. ...Жили они в частном доме, недалеко от школы. У них было очень много книг и много красивых вышитых вещей (салфетки, наволочки и небольшие картины). Летом на их приусадебном участке было очень много цветов (что тогда в селе ещё не практиковалось)».

Дальше пишет, что Мария Ивановна ушла из жизни раньше мужа, а он завещал свой дом соседям, а сбережения селу. На эти деньги железной изгородью было огорожено сельское кладбище.

- - -

Многие мне говорили: «У тебя было трудное детство, но тебе везло на хороших людей». Одной из таких была Мария Ивановна с её материнским ко мне отношением, чего нам, детдомовцам, всегда не хватало.

5. Мои детские недетские решения

В 1948 году в Казахстане подобный документ подписывал и я, ученик восьмого класса.

В детстве мне пришлось принимать решения, повлиявшие на дальнейшую мою жизнь. Вот несколько примеров таких решений.

- - -

Когда мне было десять лет. Сибирская таёжная деревня, нашу семью сюда сослали, как российских немцев. В начале 1943-го наша семья - это мы с мамой, отца в прошлом году мобилизовали в трудармию.

После нового 43-го года прошла вторая мобилизация, в трудармию забирали женщин-спецпереселенок, не имевших детей, и девушек с 15 лет. Поэтому никто не ожидал, что вскоре объявят ещё одну, третью мобилизацию. На этот раз брали женщин, у которых дети старше трёх лет. А куда девать этих детей «старше трёх лет» никто не знал. Одни оставляли их у родных, другие отдавали в чужие семьи, а некоторым приходилось оставлять там, где жили - отказаться от мобилизации мамы не могли, это объявлялось дезертирством. Мне было десять лет, и маме тоже принесли повестку. Я оставался один, и мама уговорила одну из местных, тётю Натю, взять меня к себе. Перед отъездом мама передала ей вместе со мной два мешка пшеницы, заработанные нами в колхозе.

У тётки Нади я прожил несколько дней, когда из районного Тюхтета приехала мамина знакомая, Александра Семёновна Яковлева, как я потом узнал. Она была русской, в Сибирь её сослали потому, что её муж был российским немцем. Она встретила маму у военкомата и пообещала ей взять меня к себе. Поговорив с тёткой Надей, она обратилась мне:

- Меня зовут тётя Шура, поедешь со мной в Тюхтет?

Я замешкался – эту «тётю Шуру» я не знал, да и к деревне уже привык, а вчера мне очень понравилось, как мы съездили за сеном в поле на колхозной лошади. Но я вспомнил деревенские разговоры - в Тюхтете хорошо, по каким-то «карточкам» хлеб дают всем, работаешь, не работаешь. И я ответил тётю Шуре :

- Поеду.

Ещё неизвестно, как бы сложилась моя судьба, если бы я остался в деревне, из которой мы, спецпереселенцы, не имели права выехать. Так бы и остался малограмотным, какими оказались многие из моих сосланных сверстников.

Когда мне было двенадцат лет. Дома у тётю Шуре оказался шестимесячный сын. Теперь она оставляла его на меня, когда уходила на работу. Через несколько месяцев тётя Шура сдала меня в детский дом, который недавно создали на базе местной школы глухонемых. В детском доме я пошёл в школу и окончил третий класс.

Летом 1944 год тётя Шура получила вызов от мужа из Краснотурьинска. Ехать одной с ребёнком и вещами она не решилась, и на помощь взяла меня с собой.

В Краснотурьинске нас поселили во временном бараке. В мои обязанности входило смотреть, когда надо, за ребёнком, обеспечивать для печи дрова с соседнихстроек и для козы корм (я рвал траву на обочинах и дёргал сено из тюков на соседей станции). И ещё я продавал на базаре котелки и кастрюли, которые муж тётю Шуры делал тайком на работе.

Первого сентября я упросил тётю Шуру и отправился в четвёртый класс. Но через пару недель муж тётю Шуры заявил, что не собирается кормить дармоеда. И у меня пошло опять – ребёнок, дрова, коза, котелки и кастрюли...

Весной 1945 года я решился, взял свои документы и отправился в городской отдел по образованию:

- Отправьте меня в детский дом, я хочу учиться.

- В нашем городе нет детских домов.

Но я сказал, что не уйду, устроился на крыльце, и так и просидел до самого вечера. Видя моё упорство, мне сказали:

- Приходи завтра, что-нибудь придумаем.

На другой день мне купили билет и посадили на поезд до Серова. В Серовский детский приёмник при железнодорожной милиции я пришёл с такой же просьбой:

- Отправьте меня в детский дом, я хочу учиться.

В мае 1945 года меня отвезли в детский дом, который находился на другом краю Свердловской области. В этом детдоме я окончил семилетку и строил планы учиться дальше, поступать в техникум.

- - -

Когда мне было шестнадцать лет. Где мои родители я не знал, и когда осенью 1948 года в детдом пришло письмо с сообщением, что меня разыскивает мой отец, я сказал - не отвечайте на письмо, я сам к отцу поеду. В Темиртау под Карагандой, откуда пришло письмо, я ехал с пересадкой, были приключения, пришлось даже ночь провести в милиции. Но я доехал, нашёл отца.

В Темиртау я пошёл в школу, в восьмой класс. В ноябре мне исполнилось шестнадцать, наступило моё совершеннолетие. Меня вызвали в спецкомендатуру и сказали, что теперь я спецпереселенец и каждый месяц должен приходить сюда отмечаться. Мне дали подписать бумагу, в которой сообщалось, что выслан навечно, а если сбегу или отлучусь, то получу 20 лет каторжных (!?) работ.

Моя жизнь изменилась, я стал не такой, как все. Одноклассники зовут в кино, а мне надо в спецкомендатуру, сегодня «отметка», друзья отправляются на дальнюю рыбалку, а меня за такую «отлучку» пошлют на «каторжные работы». Я за несколько лет так и не смог побывать в Караганде, хотя до неё всего тридцать километров.

После вольной детдомовской жизни это подействовало на меня угнетающе - я стал человеком второго сорта. Пришлось потом свыкнуться, как пёс привыкает к своей цепи, но внутренний протест к такой несправедливости (ведь никакого преступления я не совершал) остался у меня на всю жизнь.

С протестом пришло мальчишеское решение – я должен доказать, что я не человек второго сорта. Это решение я всегда вспоминал, когда удавалось чего-то добиться. Вспоминал, когда, проучившись в шести школах Поволжья, Сибири, Урала и Казахстана, получал свой аттестат зрелости, когда я окончил техникум, потом институт и мне вручали красный диплом горного инженера, когда в Москве защитил кандидатскую диссертацию. Не забыл я это решение и в 1988 году, когда стал лауреатом Государственной премии СССР.

6. Давняя история

Моя семья в пригородном поезде «Темиртау-Караганда», 1959 год.

На этой фотографии обычная сцена – уставшая за воскресный день мама с детьми возвращается из гостей домой. Но эта сцена 1959 года была не совсем обычной.

- - -

Мы жили в Караганде, а съездить к родным в Темиртау удавалось не часто. В одно из воскресений (это было второго августа 1959 года) мы отправились в Темиртау всей семьёй - я, моя жена Тая и наши дети – Галя трёх лет и годовалый Женя. В город приехали на пригородном поезде, погостили у Прасковьи Ивановны, моей тёщи, и пришли к Вале, младшей сестре жены. Валя жила недалеко от пожарной части, начальником которой был её муж Володя. Уже собрали стол, как вдруг зазвонил телефон. Трубку взял Володя. Он выслушал, что ему сказали, быстро оделся и, коротко бросив: «Скоро буду», ушёл. Мы ещё посидели, но Володи всё не было. Нам надо было на поезд, и мы отправились на вокзал.

Наш поезд уже стоял у платформы. Проводницы, собравшись в группки, о чём-то горячё говорили. Мы подошли к одной из них, попросили разрешения войти в вагон. Она посмотрела нас и сказала:

- Да поедem ли, не знаю. Там на стройке взбунтовались, громят магазины, милицию, говорят, что разъезд впереди захватили.

Мы стояли и не знали, что делать. Я ясно представил разъярённую толпу, а какие типы есть на этой стройке я уже знал. Мне впервые стало так страшно за детей, за Таю. Не ехать, возвращаться – но завтра на работу... Ладно, подождём, возможно, с разъездом что-нибудь прояснится.

Через какое-то время поезд всё-таки тронулся. Медленно проходили промышленные здания, пустыри с пыльной травой, а и вот и стройка завода. Пассажиры собрались у окон, каждому хотелось увидеть, что там с бунтовщиками. На грунтовой дороге вдоль полотна показался грузовик, в кузове стоял взлохмаченный на ветру парень - яростные глаза, распахнутая рубашка. Он держался за кабину одной рукой, в другой у него была большая, похоже, копчёная рыба. Грузовик обогнал поезд и скрылся. Вдалеке проезжали грузовики, в их кузове стояли люди с красными повязками.

Проехав стройку, поезд набрал скорость, ровно застучали калёса. Пассажиры разошлись по местам, стихли разговоры. Тая, уставшая за день и довольная, что всё обошлось, прикрыла глаза. Я достал ФЭД и заснял эту группу - уставшую Таю и с любопытством смотревших детей, ничего не знавших о наших треволнениях.

- - -

Спустя годы, эта история напомнила о себе. В начале восьмидесятых мы с Таей ехали на скором в Украину, в гости к моему отцу. В Куйбышеве к нам в купе вошёл новый пассажир, худощавый мужчина с интеллигентной бородкой. Мы разговорились, и он рассказал свою историю. Военный юрист, его совсем молодым арестовали в Порт-Артуре и дали срок по обычной для политических 58-й статье.

Из моих воспоминаний:

„После смерти Сталина его освободили, но работать юристом не разрешили. ...Был на разных стройках, даже в Темиртау, где мы с Таей когда-то учились в школе. И был, как оказалось, во время «темиртауского бунта» 1959 года.

- *Нам раздали красные повязки, - рассказывал он, - назвали дружинниками и на открытых грузовиках отправили умирять бунтовщиков. Но без нас обошлись, войска сами управились.*
- *Эти грузовики мы видели, - сказал я, - мы ехали на пригородном поезде, вместе с детьми (один и три года), возвращались в Караганду.*
- *Надо же, какое совпадение, - рассмеялся наш попутчик. “*

- - -

Открыто говорить об этих событиях стали после развала Союза. Володя рассказал, что тогда его вызвали на пожар, горела деревянная столовая на стройке завода, её разгромили и подожгли восставшие. Но приехавшим пожарным не дали тушить. «Они

чуть не захватили пожарную машину, - рассказывал Володя, - мы еле выбрались.» А Валя добавила: «Он мог тогда погибнуть!»

Восстание продолжалось и на следующий день – войска подавили его к утру четвёртого августа.

- - -

Эта давняя история пришла мне на память, когда я в альбоме увидел эту старую фотографию. Давняя история, краем опавшая и нашу семью.

Ноябрь, 2015 г.